

ФУНКЦИИ СМЕХА В УСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ТОМСКОГО ДИАЛЕКТНОГО КОРПУСА)

Д.П. Попова

Томский государственный университет (Томск, Россия)

Аннотация: Гелология привлекает внимание широкого круга ученых, феномен смеха исследуют философы, психологи, лингвисты. Данная статья посвящена определению функций смеха в коммуникации сельских жителей друг с другом и с собирателями. Исследование проводится с опорой на конверсационный анализ, отбор материала производился с помощью метода автоматизированного извлечения информации. Для анализа из Томского диалектного корпуса были выбраны контексты, относящиеся к теме 'человек физический' и подтеме 'болезни и лечение'. Предполагается, что в рамках этой темы смех преимущественно будет помогать преодолеть смущение и позволит свободно говорить о деликатных темах, связанных с телесностью. Описываются различные функции смеха: в ситуации наличия чего-либо комичного; в социально неловких ситуациях; в случае прагматического несоответствия и при отсутствии несоответствий для выражения одобрения. Исследование показало, что в коммуникации сельских жителей реализуются разнообразные функции смеха. Чаще всего встречается смех, свидетельствующий о социальном и приятном несоответствии. Часть контекстов (10 %) содержит смех как выражение объединения (одобрения). Реже всего реализуется такая функция смеха, как выражение прагматического несоответствия. В целом функции смеха оказались более разнообразными, чем предполагалось.

Ключевые слова: смех, функции смеха, устная коммуникация, речь сельского жителя, корпусная лингвистика, конверсационный анализ.

Для цитирования:

Попова Д.П. Функции смеха в устной коммуникации сельских жителей (по материалам Томского диалектного корпуса) // Коммуникативные исследования. 2022. Т. 9. № 2. С. 328–342. DOI: 10.24147/2413-6182.2022.9(2).328-342.

Сведения об авторе:

Попова Дарья Павловна, младший научный сотрудник Лаборатории общей и сибирской лексикографии

Контактная информация:

Почтовый адрес: 634050, Россия, Томск, пр. Ленина, 34

E-mail: popovadarp@gmail.com

Финансирование:

Подготовлено при поддержке гранта РНФ, проект № 19-78-10015 «Разработка электронных ресурсов для исследования народно-речевой культуры Среднего Приобья»

Дата поступления статьи: 22.02.2022

Дата рецензирования: 12.03.2022

Дата принятия в печать: 24.03.2022

Введение

Феномен смеха с античных времен привлекает внимание ученых из разных сфер. Смех исследуют с философской, психологической, культурологической точек зрения и т. д. (подробнее см.: [Тарабульси 2017: 5–7]). Проблеме смеха посвящены международные конференции. Регулярно проводится гелологический конгресс в РГПУ им. Герцена, где обсуждаются семиотические и герменевтические подходы к исследованию смеха и юмора [Глухова и др. 2021]. Тему смеха затрагивают исследования в сфере интернет-коммуникации, в частности Й. Подело изучает сходства и различия между цифровой и реальной формами улыбки и смеха. Он отталкивается от социологического понимания смеха, однако обращает внимание на продуктивность междисциплинарного подхода [Подело 2016: 82].

В отечественной лингвистике смех рассматривается с точки зрения лингвокультурологического подхода как фрагмент русской языковой картины мира, один из ключевых концептов русского языка [Кузнецов 2005; Сисалиева 2009]; описывается в контексте исследования смеховых приемов как ответ на ироническую игру [Горностаева 2019] или реакция на шутку [Карасик 2018]; изучается смеховая культура писателей [Шаталова 2008].

На сегодняшний день одним из популярных подходов к интерпретации смеха является теория несовместимости, утверждающая, что некоторое несоответствие ситуации или идеи порождает смех [Koestler 1964]. Дальнейшее развитие эта мысль получила в собственно лингвистической теории В. Раскина, построенной на анализе шуток. В. Раскин полагал, что для определения текста как смешного должны выполняться два условия: «I) текст является частично или полностью совместимым с двумя различными скриптами (контекстами); II) два скрипта (контекста), с которыми текст совместим, противопоставлены друг другу» [Raskin 1985: 99]. Теорию несовместимости продолжают использовать и современные зарубежные исследователи [Mazzocchi, Tian, Ginzburg 2020].

В данной статье делается акцент на самом моменте смеха, а затем анализируется контекст, предыдущие и последующие реакции собеседников. Мы поддерживаем тезис о том, что смех не только рефлекс, но и

механизм коммуникации, контролируемый и обусловленный культурными представлениями о смешном [Глухова и др. 2021: 438].

При рассмотрении проблемы смеха, как говорилось ранее, исследователи признают важным наличие или отсутствие несоответствия. Данное исследование опирается на классификацию функций смеха, которая основана на теории несоответствия и предложена С. Mazzocchi, Y. Tian, J. Ginzburg. Классификация включает четыре основных типа:

- приятное несоответствие, куда входит различный юмористический материал;
- социальное несоответствие (речь идет о смехе в ситуациях социального дискомфорта);
- прагматическое несоответствие, объединяющее все случаи, когда сказанное не совпадает с истинным смыслом (сюда относятся иронические высказывания, цитирование, двусмысленность и пр.);
- отсутствие несоответствия – в этом случае смех рассматривается как выражение приятности, одобрения и т. п. [Mazzocchi, Tian, Ginzburg 2020].

Актуальность работы обусловлена дефицитом исследований, посвященных реализации смеха в устной диалогической речи. В отечественной лингвистике феномен смеха описывается прежде всего на материале письменных текстов: исследуются художественные произведения [Русина 2002], комические тексты [Карасик 2018], данные словарей [Кузнецов 2005]. Исследования смеха на материале устной речи проводятся крайне редко. Нам известна лишь работа, в которой для анализа привлекаются записи социологических опросов (см.: [Турчик 2010]). Тем не менее обращение к паралингвистическим параметрам коммуникации представляется перспективным [Кибрик 2018]. Актуальность также определяется тем, что в научный оборот вводятся материалы устной речи.

На сегодняшний день активно развивается направление коммуникативной диалектологии [Гольдин 1997], однако исследований феномена смеха на диалектном материале практически нет. Упоминания о смехе как способе реализации метаязыкового сознания диалектоносителя есть в монографии Е.В. Иванцовой [Иванцова 2002: 265]. Кроме того, исследовались вербальные обозначения концептов 'смех' и 'плач' в дискурсе диалектной языковой личности [Земичева 2019].

Цель данной статьи – выявление функций смеха в разговорах диалектоносителей и собирателей на тему телесных особенностей, болезней.

Описание материала и методов исследования

Исследование проводится с опорой на конверсационный анализ, для которого центральными являются понятия последовательности и очередности. Нас будет интересовать, каким образом предыдущие реплики могут влиять на продуцирование смеха и какое он в свою очередь

действие может оказывать на дальнейшую коммуникацию. Задачи поиска и отбора материала были решены с помощью автоматизированного извлечения информации (метода корпусной лингвистики).

В качестве материала выбраны тексты из Томского диалектного корпуса (<http://losl.tsu.ru/corpus>), одного из наиболее репрезентативных диалектных корпусов русского языка, объем которого более 2 млн словоупотреблений. В корпусе наряду с автоматической грамматической разметкой реализована ручная разметка по коммуникативным параметрам (тема, тип, жанр текста). Материалы в корпусе снабжены комментариями, которые включают реплики собирателей и примечания о невербальных средствах общения, в том числе характеристики голоса и речи. При поиске в комментариях по лемме слова *смеяться* обнаружено более 1000 контекстов.

На данном этапе материал ограничен темой ‘человек физический’ и подтемой ‘болезни и лечение’. Всего при поиске в указанной теме было найдено 57 контекстов по запросам *смеяться* (47 результатов), *смех* (10 результатов) в комментариях. Выбранные записи сделаны в период с начала 2000-х гг. по 2019 г. на территории Томской области и хранятся в аудиоформате, что делает выполнимым отслеживание временных и фонетических характеристик смеха. Записи представляют собой беседы, близкие к естественной коммуникации.

Для определения функции смеха важна ситуация общения, социальный и лингвистический контекст [Mazzosconi, Tian, Ginzburg 2020], а также течение разговора. Опишем типичную коммуникативную ситуацию записи диалектной речи. Обычно участниками являются собиратели, малознакомые люди, которые, более того, приезжают из города и, соответственно, не включены в повседневное общение сельских жителей, и информанты, которые являются сельскими жителями.

Всего в выборке 32 записи, 56 человек, из них 36 – информанты (в том числе проводники), 20 – собиратели. Собиратели исключительно женщины, которые имеют высшее (неоконченное высшее) образование. Возраст собирателей преимущественно от 20 до 40 лет. В качестве информантов выступают люди в возрасте от 60 до 89 лет, женщины – 90 % и мужчины – 10 %. Информанты в 21 % случаев имеют начальное образование, 31,5 % – неполное среднее, 16 % – среднее, в 31,5 % случаев уровень образования неизвестен.

При разнице статусно-ролевых отношений между коммуникантами возникает дистанция, что порождает чувство неловкости. Степень открытости в момент записи речи может различаться и зависит в том числе от личных качеств коммуникантов, также на непринужденность общения может влиять смех, избавляя от напряженности и уравнивая коммуникативные роли.

Гипотеза исследования состоит в том, что в рамках темы ‘человек физический’ в большинстве случаев смех будет реализовывать функцию

социального несоответствия, которая предполагает устранение смущения говорящего в разговоре с малознакомыми людьми и помогает предотвратить критическую оценку со стороны собеседника. Такое предположение построено на основе классификации несоответствий, приведенной выше.

Представление результатов

По данным выборки, чаще смеется сам говорящий (56 % случаев), в 10 % случаев смеется (-ются) только собеседник (-и), в остальных случаях смеются обе стороны коммуникативного процесса. Момент звучания смеха, как правило, приходится на конец (50 из 57) или начало (3 из 57) высказывания. Такую особенность отмечает и Р. Провайн, подсчитавший, что смех разрывает фразу только в 8 случаях из 1200 [Provine 1993]. М.Л. Бутовская сравнивает роль смеха в устной коммуникации с ролью знаков препинания в письменной речи [Бутовская 2004: 77].

Чтобы ответить на вопрос, когда и в каком случае смеются участники общения, рассмотрим несколько фрагментов, в которых реализуются различные функции смеха.

Фрагмент 1

М.И.: *Ноги-т не хо'дют. Ноги-т не хо'дют. Со стулом. А то раз и приехал тот этот, дрова привёз, он ведь – бабуля, бабуля, я <шевелю>. «Обожди, я иду!» – он ждёт.*

Л.А.: *Бегут.*

М.И.: *Нюрка, эта ли, Валя смеётся: «Пока, үрит, бабуля придёт – можно, үрит, до зва... до Томска доехать». [смеются] О-ой, иду со стулом. О-о, ну всё понятно. Прошлый үод, үйт, с палочкой ходила, а щас уже со стулом. Щас уже со стулом. Весь двор чурака'ми обставлено, да. [смеется]*

Ольга: *Моя взаимопомощь, да. [смеется]*

М.И.: *И-и, да. И үде хожу, там и присяду, үде хожу, там и присяду. Ой-ё-ёй. <...>*

Первый взрыв смеха появляется после озвученной шутки о скорости передвижения пожилой женщины, тем самым слушающие демонстрируют, что восприняли шутку (функция удовольствия от приятного несоответствия). Далее диалектоноситель выбирает тактику самокритики через ссылку на чужое мнение. В речи это выражается переходом к рассказу о себе в третьем лице. Смех М.И. над самой собой (второй случай смеха, функция стимуляции доброжелательного отношения) из-за использования чурок, обрубков дерева, которые помогают передвигаться по двору, вероятно, свидетельствует о согласии пожилого информанта с критикой и мотивирует собеседников отнестись к говорящему доброжелательно. Судя по всему, один из слушающих верно воспринимает сигнал и пытается проявить дружелюбие, произнося реплику, которая также завершается смехом (третий случай смеха, функция проявления собеседником сочувствия).

Фрагмент 2

[А Сфотографировать можно вас?]

Л.И.: Кого?

А.Н.: Конечно, конечно. [Сфотографировать.]

Л.И.: О-ой, и зачем, не надо, не надо. [Ой, пожалуйста.] <...> С такими глазами, не хочу.

А.Н.: Тётя Лида, при чём глаза, вы красиво, хорошо выглядите.

Л.И.: Да-да.

А.Н.: Всё, сидите аккуратненько вот с цветочком.

Л.И.: Да-да, тогда приходи с женихом, раз красиво выгляжу. [Все смеются]

А.Н.: У меня тут на примете мно-ого есть, я.

Данный фрагмент связан с ситуацией фотографирования. Информант отказывается сниматься, остальные участники коммуникации пытаются уговорить Л.И., которая затем называет причину отказа. После этого собеседница А.Н. делает комплимент Л.И., однако Л.И. воспринимает его скептически и старается отшутиться, предлагая исполнить ее желание: найти жениха. При этом смех, сопровождающий реплику, указывает на несерьезность слов, реализуя функцию обозначения иронии. Собеседники в свою очередь показывают, что осознали истинное коммуникативное намерение Л.И. (в этом случае смех осуществляет функцию удовольствия от приятного несоответствия).

Далее опишем встретившиеся функции:

1. Приятное несоответствие. В первую группу входят случаи смеха над шутками, каламбуром, глупым поведением и т. д.:

1.1. Удовольствие от приятного несоответствия. Рассмотрим пример, где диалектоносительница рассказывает, как ее сын, житель села, вероятно, не посещавший раньше врача-невролога, назвал неврологический инструмент. Неожиданное преувеличение вызывает смех:

Н.А.: Это как Петька поехал у больницу, это вот, молотоцьком по колену. [смеются] Он говорит: «Ну ницё кувалда у вас!» [смеются] Приехал домой, смеётся, говорит – как рассмеялись. Врачи. Грит – ничё кувалда. [смеются]

В таких ситуациях смех собеседника сообщает говорящему: несоответствие было воспринято собеседником, и слушающий испытывает радость, удовольствие от приятного несоответствия.

В другом примере реагирование смехом отражает понимание наивности представлений мужчины о процессе родов и невозможности заставить женщину рожать в срок. В данной ситуации, кроме женщин-собирателей, смеется диалектоносительница (функция обозначения иронии):

Вот один день единственный дома [а не на работе] была! И то гыт: «Вот ты не поехала, а там подавать некому было на телегу, и не родила». Ну чё, надо, видно, рожать. [смех]

Таким образом, с помощью смеха выражается удовольствие от понимания несоответствия.

1.2. Обозначение несоответствия. Данная функция используется, чтобы показать алогичность высказывания собеседника или других лиц. Обнаружен случай реализации данной функции смеха при общении в жанре сплетни:

Ну у ней [подруги-односельчанки] что-то с головёнкой есь. Есь-есь. Говорит: «Рая, а у Гали муж-то [смеется] чей?» Я говорю: «Из Москвы». – «Из Москвы? А-а!» Вот это она уже бредёт. [путается] <...> Чё-то у ей есь.

Представленный фрагмент взят из разговора хорошо знакомых друг другу жительницы села и собирателей, запись речи велась скрыто, что, по-видимому, создавало дополнительные условия для доверительного общения. Разговор был записан в отсутствие объекта насмешки, поэтому не вызвал негативной реакции, тем не менее такой смех может являться разобщающим и представляться как насмешка [Паремужашвили 2012].

Примером использования смеха в функции обозначения несоответствия служит следующий фрагмент:

У меня вон сноха покрасилась – она редко красится, а щас поехала к дочке-покрасилась. Придёт – я её прям не узнаю, чёрна голова. [смеется] Всё, закрасилась.

Диалектоносительница обозначает с помощью смеха, что смешное содержится в несоответствии нормального (обычного) и ненормального (необычного). При этом сама диалектоносительница сообщила, что никогда не красилась, возможно, поэтому данная ситуация вызывает смех.

2. Социальное несоответствие. В эту группу входят случаи смеха при некомфортном повороте разговора, порождающем неловкость (для идентификации функций 2.1, 2.2. и 2.3. важно, чтобы смех производился самим говорящим, смех собеседника классифицируется как функция 2.4):

2.1. Смягчение и неприятный разговор. Смех помогает сгладить критику, направленную на собеседника или отсутствующих третьих лиц. Интересно, что в некоторых случаях критика высказывается осторожно и подтверждается ссылкой на чужое мнение:

Так ты не ешь ничё. <...> Ты не ешь, пое'тому ты такая есь. <...> А мужья-то любят вот таких. <...> Да, как у меня Миша говорит: у него жена Наталья раздоб... раздобрела, такая полная стала. Вон из кожи лезет. То ли дело тоненькие, хорошие. [смеется]

Данная функция реализуется и когда участники коммуникации говорят о собственном неприятном опыте, в таких ситуациях смех помогает представить ситуацию как менее опасную. Следующий контекст, описывающий, как у сына информанта началась аллергия, очевидно отражает негативные эмоции, переживания говорящего и некоторое расслабление после смеха:

Раз мы сидим, пиво пьём на Почтовом с другом. Ну, рыбка у нас тут. И он вот рыбки схватил вот такой кусочек вот [показывает: маленький] и в комнату пошёл, ушёл. Маленький был там совсем, годика два, наверное. У него лицо такое, как сказать, как налитое и морщинистое, как дед... старичок старенький. От мы испугались: чем его накормили. [смеется] Он рыбку кусочек съел. А-а... [на вдохе] Ох, я жене на работу звоню, вот, так и так. Она говорит: «Там “Димедрол” в бутылочке – в ложечку и дай выпить». Пять минут – всё прошло. Ну мы [смеется] с соседом а-а... [на вдохе] всё, капец. Ох испугались тогда.

В то же время информант описывает происшествие, случившееся по неосторожности отца, вероятно, смех может быть спровоцирован неловкостью, поскольку мужчина невнимательно следил за ребенком. Поэтому можно предположить совмещение описанной функции с функцией стимуляции доброжелательного отношения.

2.2. Стимуляция доброжелательного отношения. Рассказывая о собственных болезнях, недостатках и т. п., диалектоносители могут прибегать к смеху, чтобы подтолкнуть собеседника к положительной (или нейтральной) оценке говорящего. При этом сам информант заранее дает себе негативную оценку:

• *Ой! Полудурушной совсем стала! Вот чё-нибудь это... чё скажут, и, я забыла. Чё-то положила, я забыла. Я говорю да чё такое. [Угу.] Надо... [смеется] Суп варю, надо соли сыпать, рядом, то плохо вижу. Сахара набухала! [смеется] Заместо... Заместо сахара может соли насыпать! Чё по-па-ло-о. [смех]*

• *И напарим, туда и сахару, вот и брага. Голова закружится, и захочем, как дураки. [смеется]*

2.3. Сглаживание. Смех в данной функции призван смягчить неловкий ответ или неуместный вопрос:

• *[Скажите, а раньше девушки красились? Как-нибудь? Нет? Вообще?] Нет. [Нечем было или это некрасиво было?] Нечем. Другие, если кто хо'цет, спи'цьку сожгут и вот так вот чёрно спи'цькой натрут. [А брови чёрные красиво было? Делали ярче или как?] Я не знаю как, чё, чё определяли, я их никогда не красила, никого. [смеется]*

• *[Вы можете рассказать, как рожали, как готовились к родам?] [пауза] Никак не готовилась. [А как было, расскажите]. [смеется информант, затем собиратели]*

Функция сглаживания может проявляться в ответе на комплимент. Независимо от того, кто является инициатором похвалы: собеседник или сам диалектоноситель (позитивная самопрезентация), – представитель народной культуры может испытывать неловкость, которая выражается смехом:

У меня уже суставы начинают болеть, э... так от. Но я ещё руками. Я и гимнастику делаю каждое утро. [смеется] Молодец! [собиратели смеются]

2.4. Проявление собеседником сочувствия. Приведем пример, где смех производится, чтобы показать понимание дискомфорта и отсутствие неодобрения со стороны слушающего. В данном случае общение происходит с хорошо знакомыми людьми. В первом примере диалектоносителица рассказывает знакомой о деликатной проблеме со здоровьем, на что собеседница реагирует сочувственным смехом:

Пошла утром в поурёб, полезла, подскользну'лась – и шара'хнулася, и всё. От болит задница у меня и всё, от больно, думаю – что ж оно у меня болит и всё. <...> Ну и, это, Саша. Колька мне повёз в больницу. <...> Ой, неудобно, и всё, это, вот тут он [доктор] мне урит: «От мать, как тебе ска, как Вам сказать, вот Вам, эти, подумали бы сами, даже [неразб.] уже пошло запах, как разрезал он мне – запах пошло. Но, уйт, у тебя, уйт, пошло бы заражение. Я урю, ну я чё, пошарю и пошарю, шишка-шишка, помажу её – опять мятным, это [усмехается]. Пряники пекли мятны, мятную эссенция принесла.

Л.А.: «Эссенция». [смеется]

3. Прагматическое несоответствие. Третью группу составляют все случаи ироничного продуцирования смеха, когда существует противоречие между тем, что сказано, и тем, что на самом деле хотел выразить говорящий:

3.1. Обозначение иронии. Смех может служить сигналом для собеседника не воспринимать сказанное буквально, как, например, в следующем фрагменте, где информант рассказывает о проблеме с давлением, из-за чего женщина теряет сознание, поэтому ей приходится хранить записку 'упаковку таблеток':

Всё время давление. <...> [Лекарства тоже дорогие, наверно?] Ой, дорогие. Три тыщи не хватает. [Много надо.] Тут ещё лекарства, тоже так. <...> Чё-то это у меня записка [смеется]. А вот тут ещё целая, целая. Я кашляла шибко. [Неразб.] кашель всё равно заби... если чё, то опять забьёт. Вот эти вот от давления, которые вот эти, «скорая помощь». Здесь надо всё, чтобы она осталась. Таблетками пить или так. Вот <убрала>.

3.2. Пугающее цитирование. В письменной коммуникации использование пугающего цитирования преследует цель намекнуть на то, что автор повторяет чьи-то слова, выступает против их использования, не учитывает способ их употребления и собирается предложить свои противоположные взгляды [Kierzek, Gibson, Willson 1977: 343; Finnegan 2011: 50]. Такие суждения применимы к нашему материалу устной речи, где аналогом кавычек может выступать смех, который позволяет выделить слово или фразу и тем самым обозначить наличие другого смысла или мнения. Проиллюстрируем этот тезис двумя контекстами:

- [Собиратели делают комплимент 77-летнему информанту: молодая женщина.] *Очень «молодая» [смеется], скажете тоже!*

• [разговаривает по телефону] *Анфíза Ивáнна, у меня сейчас сидят три девочки, они уже у меня были, они с института, они хотят Вас увидеть, поговорить, вы пус[тите]...* [слушает]. *Да? Ага-ага-ага, ну ладно-ладно, ладно, всего доброго.* [кладет трубку] *«Не-не-не-не. Я болею, я, девчат, гриппую».* [смеется] *Да боится, она боится.*

Как видно, смех непосредственно следует за цитируемым словом или высказыванием, далее информанты могут вербально объяснить несогласие.

4. Смех без упоминания несоответствия. Последнюю группу составляют ситуации, когда смех не связан с каким-либо несоответствием и является позитивным сигналом для собеседника (-ов). Таким образом, смех здесь выполняет функцию **объединения** и используется, чтобы выразить одобрение действия собеседника или показать дружелюбие, удовольствие.

Рассмотрим фрагмент, содержащий реакцию на комплимент, где смех может быть схож с реализацией функции социального несоответствия, однако здесь смех выражает не неловкость, а удовольствие от реплики собеседника:

Ой, я старая, страшная, морщинистая. Вы присядьте. Поплотнее сюда, ко мне. [фотографируются] *Ну молоденькие девчонки, хорошие какие.* [Вы как графиня!] *Кто, я?* [Такая стройная, осанистая.] [информант смеется]

Заключение

В имеющихся материалах смех, как правило, нацелен на кооперацию. Насмешливый разобщающий смех представлен в единичных контекстах. Это можно объяснить тем, что, будучи включенными в ситуацию общения, участники стремятся создать дружескую атмосферу, которая помогает говорящим преодолеть негативные эмоции и свободно говорить о деликатных темах, связанных с телесностью.

Исследование показало, что классификация, представленная в исследовании С. Mazzocconi, Y. Tian, J. Ginzburg, применима к диалектному материалу. Однако часть контекстов (12 %) не удалось классифицировать ввиду недостаточного количества информации либо из-за несоответствия смеха предложенным функциям.

Думается, для диалектного дискурса можно выделить отдельным пунктом смех в рассказах о прошлом, воспоминаниях, поскольку такой смех не направлен на установление контакта либо на высмеивание. Более того, жанр воспоминания является одним из основных в ситуации общения с представителями традиционной культуры.

В коммуникации сельских жителей реализуются почти все функции смеха, предложенные в классификации. Исключение составляет функция лексической неопределенности, или редактирования фразы, примеры реализации которой в рамках темы 'человек физический' не обнару-

жены. 44 % контекстов включают смех, свидетельствующий о социальном несоответствии. В 29 % контекстов смех сообщает о приятном несоответствии. Этот факт можно объяснить ситуацией, в которой происходит коммуникация. Чтобы сделать общение более комфортным, участники беседы прибегают к смеху. 10 % контекстов содержат смех как выражение объединения (одобрения). Реже всего – в 5 % случаев – реализуется такая функция смеха, как выражение прагматического несоответствия. Предположительно это можно объяснить тем, что говорящий не хочет подвергать себя риску коммуникативной неудачи. Поскольку связи между участниками коммуникации нетесные, собеседник может не принять во внимание иронию из-за незнания обстоятельств, которые породили высказывание, ценностей представителей народной культуры и пр. Как отмечает А.А. Горностаева, исследующая феномен иронии и иронический дискурс, данное явление «часто характеризуется как притворство, неискренность» [Горностаева 2019: 997]. Чтобы ироническая игра стала успешной, коммуниканты должны быть подготовлены и ситуация должна быть подходящей.

Таким образом, гипотеза исследования в целом подтвердилась, в найденных контекстах было выявлено преобладание функций социального несоответствия и приятного несоответствия. При этом социальная функция смеха была реализована менее чем в половине всех ситуаций. Это отчасти связано с тем, что функции смеха оказались более разнообразными, чем предполагалось.

Проведенный анализ расширяет представление об экстралингвистических компонентах общения и вносит вклад в коммуникативное исследование речи сельских жителей.

Данное исследование является апробацией темы. Планируется продолжить изучение смеха в речи сельских жителей с учетом тематических и жанровых параметров диалектного корпуса.

Список литературы

- Бутовская М.Л. Язык тела: Природа и культура (эволюционные и кросс-культурные основы невербальной коммуникации человека). М.: Научный мир, 2004. 440 с.
- Глухова О., Мячина Л., Тихвинский А., Троицкий С. Смех и коммуникация: Пятый международный гелологический конгресс // Новое литературное обозрение. 2021. № 3 (169). С. 437–451.
- Гольдин В.Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: дис. ... д-ра филол. наук в виде науч. докл. Саратов, 1997. 52 с.
- Горностаева А.А. Ирония как культурный и языковой феномен // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. № 4. С. 990–1002. DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-990-1002.
- Земичева С.С. Эмоциональные концепты «Плач» и «Смех» в дискурсе носителя народно-речевой культуры // Вестник Волгоградского государственного

- университета. Серия 2: Языкознание. 2019. Т. 18. № 3. С. 116–129. DOI: 10.15688/jvolsu2.2019.3.9.
- Иванцова Е.В.* Феномен диалектной языковой личности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 312 с.
- Карасик В.И.* Алгоритмы построения комических текстов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 4. С. 895–918. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-895-918.
- Кибрик А.А.* Русский мультимедийный дискурс. Часть II. Разработка корпуса и направления исследований // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 2. С. 79–90. DOI: 10.7868/80205959218020083.
- Кузнецов Ю.А.* Лексико-семантическое поле смеха как фрагмент русской языковой картины мира: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 215 с.
- Паремузашивили Э.Э.* Непрямая коммуникация в структуре агрессивного речевого акта (на примере иронии и насмешки) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 1 (030). С. 136–142.
- Подоло И.* Смайлики, улыбка и смех как социальный сигнал и индикатор эмоционального состояния в процессе коммуникации (сопоставительный анализ) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. Т. 14. № 2. С. 80–90.
- Русина Е.А.* Сравнительный анализ параязыковых явлений в русских и английских художественных текстах: На материале романов И. Гончарова «Обрыв» и Т. Гарди «Тэсс из рода д'Эрбервиллей»: дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2002. 215 с.
- Сисалиева Г.А.* Лексико-фразеологическое поле, репрезентирующее концепт «осмеяние» // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11, № 4 (3). С. 784–802.
- Тарабульси Д.М.* Английские глагольные номинации смеха: системный и функционально-когнитивный подходы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2017. 24 с.
- Турчик А.В.* Конверсационный анализ смеха в речевом взаимодействии: случай конструирования оценок власти // Социологический журнал. 2010. № 1. С. 21–36.
- Шаталова С.В.* Мифология смеха в прозе М.А. Булгакова 1920-х годов: дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2008. 185 с.
- Finnegan R.* Why Do We Quote? The Culture and History of Quotation. Cambridge: Open Book Publishers, 2011. 343 p.
- Kierzek J.M., Gibson W., Willson R.F.* The Macmillan Handbook of English. New York: Macmillan Publishing Co., Inc., 1977. 520 p.
- Koestler A.* The Act of Creation. London: Hutchinson&Co, 1964. 751 p.
- Mazzocconi C., Tian Y., Ginzburg J.* What's your laughter doing there? A taxonomy of the pragmatic functions of laughter // IEEE Transactions on Affective Computing. 2020. Vol. 01. P. 1–19. DOI: 10.1109/TAFFC.2020.2994533.
- Provine R.R.* Laughter punctuates speech: Linguistic, social and gender contexts of laughter // Ethology. 1993. Vol. 95. P. 291–298.
- Raskin V.* Semantic Mechanisms of Humor. Dordrecht: D. Reidel P. Co., 1985. 284 p.

References

- Butovskaya, M.L. (2004), *Yazyk tela: Priroda i kul'tura (evolyutsionnye i kross-kul'turnye osnovy neverbal'noi kommunikatsii cheloveka)* [Body language: Essence and culture (evolutionary and cross-cultural foundations of human non-verbal communication)], Moscow, Nauchnyi mir publ., 440 p. (in Russian).
- Finnegan, R. (2011), *Why Do We Quote? The Culture and History of Quotation*, Cambridge, Open Book Publishers, 343 p.
- Glukhova, O., Myachina, L., Tikhvinsky, A., Troitsky, S. (2021), "Laughter and communication": The fifth international gelological congress (Herzen State Pedagogical University of Russia, 29 May – 1 June 2019). *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], No. 3 (169), pp. 437-451. (in Russian).
- Gol'din, V.E. (1997), *Teoreticheskie problemy kommunikativnoi dialektologii* [Theoretical problems of communicative dialectology], Prof. Thesis in the form of a scientific report, Saratov, 52 p. (in Russian).
- Gornostaeva, A.A. (2019), Irony as a cultural and language phenomenon. *RUDN Journal of language studies, semiotics and semantics*, No. 4, pp. 990-1002. DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-990-1002. (in Russian).
- Ivantsova, E.V. (2002), *Fenomen dialektnoi yazykovoï lichnosti* [Phenomenon of a dialect linguistic persona], Tomsk, Tomsk University publ., 312 p. (in Russian).
- Karasik, V.I. (2018), Algorithms of comic texts construction. *Russian Journal of Linguistics*, Vol. 22, no. 4, pp. 895-918. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-895-918. (in Russian).
- Kibrik, A.A. (2018), Russian multichannel discourse. Part II. A corpus development and avenues of research. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2018, Vol. 39, no. 2, pp. 79-90. DOI: 10.7868/80205959218020083. (in Russian).
- Kierzek, J.M., Gibson W., Willson R.F. (1977), *The Macmillan Handbook of English*, New York, Macmillan Publishing Co., Inc., 520 p.
- Koestler, A. (1964), *The Act of Creation*, London, Hutchinson&Co publ., 751 p.
- Kuznetsov, Yu.A. (2005), *Leksiko-semanticheskoe pole smekha kak fragment russkoi yazykovoï kartiny mira* [Lexico-semantic field of laughter as a fragment of the Russian linguistic world view], PhD Thesis, St. Petersburg, 215 p. (in Russian).
- Mazzocconi, C., Tian, Y., Ginzburg, J. (2020), What's your laughter doing there? A taxonomy of the pragmatic functions of laughter. *IEEE Transactions on Affective Computing*, Vol. 01, pp. 1-19. DOI: 10.1109/TAFFC.2020.2994533.
- Paremuzashvili, E.E. (2012), Indirect communication in aggressive speech behavior (on examples of irony and mockery). *Issues of Cognitive Linguistics*, No. 1 (030), pp. 136-142. (in Russian).
- Podelo, J. (2016), Smileys, smile and laughter as social cues and indicators of emotional condition in the process of communication (comparative analysis). *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, Vol. 14, no. 2, pp. 80-90. (in Russian).
- Provine, R.R. (1993), Laughter punctuates speech: Linguistic, social and gender contexts of laughter. *Ethology*, Vol. 95, pp. 291-298.
- Raskin, V. (1985), *Semantic Mechanisms of Humor*, Dordrecht, D. Reidel P.Co publ., 284 p.

- Rusina, E.A. (2002), *Sravnitel'nyi analiz parazykovykh yavlenii v russkikh i angliiskikh khudozhestvennykh tekstakh: Na materiale romanov I. Goncharova "Obryv" i T. Gardi "Tess iz roda d'Erbervillei"* [Comparative Analysis of Paralinguistic Phenomena in Russian and English Literary Texts: based on I. Goncharov's novel "Oblomov" and Th. Hardy's novel "Tess of the d'Urbervilles"], PhD Thesis, Kursk, 215 p. (in Russian).
- Shatalova, S.V. (2008), *Mifologiya smekha v proze M.A. Bulgakova 1920-kh godov* [The mythology of laughter in M.A. Bulgakov's prose of the 1920s], PhD Thesis, Magnitogorsk, 185 p. (in Russian).
- Sisalieva, G.A. (2009), The lexico-phraseological field representing the concept «Mockery». *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, Vol. 11, no. 4 (3), pp. 784-802. (in Russian).
- Tarabul'si, D.M. (2017), *Angliiskie glagol'nye nominatsii smekha: sistemnyi i funktsional'no-kognitivnyi podkhody* [English verbal nominations of laughter: systemic and functional-cognitive approaches], Author's abstract, Ufa, 24 p. (in Russian).
- Turchik, A.V. (2010), Laughter in interaction: analysis of conversations about authorities estimation. *Sociological Journal*, No. 1, pp. 21-36. (in Russian).
- Zemicheva, S.S. (2019), Emotional concepts "Crying" and "Laugh" in the discourse of the folk-speech culture keeper. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, Vol. 18, no. 3, pp. 116-129. DOI: 10.15688/jvolsu2.2019.3.9. (in Russian).

FUNCTIONS OF LAUGHTER IN ORAL COMMUNICATION OF VILLAGERS (BASED ON MATERIALS OF TOMSK DIALECT CORPUS)

D.P. Popova

Tomsk State University (Tomsk, Russia)

Abstract: Gelology attracts the attention of a wide range of scientists, the phenomenon of laughter is studied by philosophers, psychologists, and linguists. This article is devoted to determining the functions of laughter in communication of villagers with each other and with interviewers. The issue is based on conversation analysis, the selection of material was carried out by the method of automatic information extraction. Contexts related to the topic 'Physical Man' and the subtopic 'Diseases and Treatment' were selected from the Tomsk Dialect Corpus. It is assumed that within the framework of the topic, laughter will mainly help to overcome embarrassment and allow speakers feel comfortable to speak about delicate topics related to physicality. Several functions of laughter are described: in a comical situation; in socially awkward situations; in case of pragmatic incongruity and in case of the absence of incongruity for showing approval. The study showed that various functions of laughter are realized in the communication of villagers. Laughter is the most common sign of social incongruity and pleasantness. Part of the contexts (10%) contains laughter as an expression of approval, support. Least of all, such a function of laughter is realized as an expression of pragmatic incongruity. In general, the functions of laughter turned out to be more diverse than expected.

Key words: laughter, laughter functions, oral speech, language of villagers, corpus linguistics, conversation analysis.

For citation:

Popova, D.P. (2022), Functions of laughter in oral communication of villagers (based on materials of Tomsk Dialect Corpus). *Communication Studies (Russia)*, Vol. 9, no. 2, pp. 328-342. DOI: 10.24147/2413-6182.2022.9(2).328-342. (in Russian).

About the author:

Popova, Darya Pavlovna, Junior researcher of the Laboratory of Aggregate and Siberian Lexicography

Corresponding author:

Postal address: 34, Lenina pr., Tomsk, 634050, Russia

E-mail: popovadarp@gmail.com

Acknowledgements:

Prepared with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of scientific project No. 19-78-10015

Received: February 22, 2022

Revised: March 12, 2022

Accepted: March 24, 2022